

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИЗАЦИИ БИЗНЕСА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Международный научно-практический журнал "Вестник МИРБИС" ISSN 2411-5703 <http://journal-mirbis.ru/>

№ 1 (13) 2018. DOI: 10.25634/MIRBIS.2018.1.

Статья получена: 03.02.2018

Ссылка для цитирования этой статьи: Куликов Г. Я. Духовный синтез науки и религии: опыт русской философии // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС). 2018. № 1 (13). С. 66-71. doi: 10.25634/MIRBIS.2018.1.9.

УДК 130.3

Григорий Куликов¹

ДУХОВНЫЙ СИНТЕЗ НАУКИ И РЕЛИГИИ: ОПЫТ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена потребностью в рассмотрении вопроса о соотношении научного и религиозного опыта в контексте европейской культуры. В связи с этим данная статья направлена на раскрытие философских построений отечественных мыслителей, в творчестве которых представлен духовный синтез науки, религии и философии. В статье представлена *систематизация взглядов* таких русских религиозных философов как С. Н. Булгаков и В. В. Зеньковский; выявлены их особенности; показаны отличия религиозной мысли от светской; обоснована идея о том, что искусственное разделение областей науки, религии и философии уходит в прошлое; предложена методика исследования проблемы взаимодействия науки и религии в контексте современной духовной культуры. *Результаты статьи* имеют практическую ценность для дальнейших исследований в области религиозно-философских оснований науки.

Ключевые слова: наука, вера, разум, христианство, русская религиозная философия.

1 Куликов Григорий Яковлевич – аспирант АНО ВО «Московский православный институт св. Иоанна Богослова». пер. Чернышевского, д. 11 А, 127030, Москва, Российская Федерация. E-mail: grigoriykulikov54@gmail.com.

Введение

Вопрос о взаимоотношении науки и религии, за которым стоит вопрос о соотношении философии и христианства, веры и разума, относится к числу важнейших в духовной и философской истории европейской культуры. Августин, Фома Аквинский, Бонавентура, Ансельм Кентерберийский, Паскаль, Декарт, Спиноза, Кант, Гегель, Ницше, Бубер, Ясперс, Маритен, Жильсон, Хайдеггер – это только вершина айсберга, который свидетельствует о напряженном религиозно-философском поиске духовных смыслов и первоначал. Такая ситуация во многом задается христианским топосом, которому принадлежит европейская культура, ибо, как точно сказал Б. Кроче: «...в нашем настоящем хорошо видно, что мы – не вне, а внутри границ, положенных христианством» [Кроче, 2011].

О значимости вопроса о соотношении науки и религии в сегодняшней России говорят недавно прошедшие XXVI Международные Образовательные Рождественские чтения «Нравственные ценности и будущее человечества», в рамках которых, в том числе прошла конференция «Наука, православие, современность» и круглый стол «Наука и православная вера в России в наше время: конструктивный диалог или непримиримая борьба». Примечательны названия некоторых докладов, в которых раскрывается современный уровень взаимопроникновения научного и религиозного опыта. Например, «Наука и религия: метафизические аспекты», «Влияние теологии на естественные, юридические и гуманитарные науки», «Григорий Богослов и Эрвин Шредингер – симфония, а не противостояние», «Блез Паскаль о толковании Священного Писания», «Проблемы опыта в науке и религии по трудам священника Павла Флоренского», «Христианская

теология и гуманитарные науки: узловые направления взаимодействия», «Две системы познания по академику Б. В. Раушенбаху» [Полная программа Рождественских чтений, 2018].

При этом, необходимо отметить, что сегодня сохраняется значительное напряжение между религией и философией, с одной стороны, и между религией и наукой, с другой. Секуляризованный характер современной культуры часто делает проблемным продуктивный диалог между религиозным опытом и естественными науками. Несмотря на то, что многими исследователями утверждается наступление постсекулярной эпохи, в которой преодолены главные принципы секуляризма, все же установки на разотождествление научной и религиозной, и шире – духовной и культурной сфер достаточно сильны.

По поводу соотношения философии и религии сегодня есть радикальные позиции. Известный ученый А. Л. Никифоров убежден, что «...у религии не было более ядовитого врага, чем философия». Аргументируя эту точку зрения, он продолжает: «История показывает, что религиозная вера совместима с чем-угодно, даже с наукой – стоит только разграничить их сферы. Но философия – не отдельная философская система или направление, а философия как целое – не может ужиться с религией. Да, философ может быть верующим человеком, но, как только он входит в церковь, он перестает быть философом» [Никифоров, 2001].

В такой позиции, разводящей философию и науку, в том числе, и религию, лежит рациональное убеждение, что вера не совместима со знанием, что водораздел между верой и знанием является непреодолимым. Однако, положение дел сегодня значительно видоизменилось: «Все большее число

современных ученых и философов отходят от укоренившейся традиции рассмотрения науки и религии как противоположных форм мировоззрения, снимая тем самым проблему их субординации» [Евреева, 2017]. К тому же, можно говорить и о религиозном типе знания, как это принято в современной религиозной эпистемологии. Как отмечает современный исследователь: «Главное открытие, сделанное эпистемологами, состоит в том, что религия – это в том числе и знание особого рода, структура которого подлежит самостоятельному исследованию» [Карпов, 2017].

Действительно, современная эпистемология утверждает самостоятельный характер религиозного знания, которое, несмотря на его несходство с рациональным научным познанием по многим позициям, обладает собственными бытием, поскольку в его основе личный духовный опыт. Кроме этого, есть несомненная общность между наукой и религией, коренящаяся в метафизических пластах сущего. Показательны в этом плане слова известного французского философа А. Кожева из его работы «Христианское происхождение науки»: «Найдется немного исторических фактов столь же трудно оспоримых, как факт взаимозависимости науки, современной техники, христианской религии и даже теологии» [Кожев, 2006].

Отечественные исследователи также серьезно изучают эту проблему. Достаточно убедительно пишет П. П. Гайденко, показывая искусственность демаркационных границ между различными областями культуры, которые возникли в рамках позитивизма. Так, в предисловии к сборнику «Философско-религиозные истоки науки» исследователь, анализируя достижения современной философии науки, отмечает: «Во второй половине XX в. были расшатаны прочно воздвигнутые позитивизмом перегородки между наукой и другими сферами духовной жизни, была обнаружена культурно-историческая обусловленность типов научного знания. ...Взаимозависимость религии, философии и научного познания много глубже, чем это пытается представить атеистическая пропаганда» [Философско-религиозные истоки науки, 1997].

Таким образом, можно сделать вывод, исходя из этих утверждений известного ученого, о том, что позитивизм и генетически с ним связанный атеизм, формировали в течении долгого время искаженную картину мира, в которой наука и религия выступали в качестве непримиримых оппонентов, взаимно исключаящих и отрицающих друг друга. Реальное положение вещей иное, о котором емко и глубоко сказал В. Н. Тростников: «В муках размышлений о Боге и созданном им мире рождалась новая физика» [Тростников, 1997].

Методологической основой исследования являются методы философского анализа текста, а также общенаучные методы и принципы познания. Также в работе применялся системный подход, метод сравнительного анализа, аксиологический метод. Системный подход позволил рассмотреть проблему взаимоотношения религии и науки в контексте европейской философии. Сравнительный анализ способство-

вал выявлению сходств и различий во взглядах таких русских философов, как С. Н. Булгаков и В. В. Зеньковский. Кроме них в поле зрения исследования были такие русские религиозные философы как В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, Н. Ф. Федоров. Аксиологический метод позволил раскрыть особенности синтетического дискурса русской религиозной философии, в ходе которого выявляется глубокая общая основа науки, религии и философии.

Вопрос о соотношении науки и религии, веры и разума относится к разряду «вечных» и не имеет того однозначно-непротиворечивого ответа, который можно встретить в естественных науках. Однако, именно открытость этого вопроса создает уникальные условия для непрекращающегося поиска смысла бытия. Можно сказать, что этот вопрос стягивает в единый интеллектуальный, духовный и нравственный узел наиболее значимые усилия духовной культуры в ее поисках истины. Сегодня это особенно актуально, поскольку в современном обществе существует диспропорция между экономическим аспектом (потребление) и духовным (смысл существования).

Эти темы, которые были раскрыты как светскими учеными, так и представителями теологии, свидетельствует о том, что сегодня научно-теологический дискурс вышел на новый синтетический уровень, в котором проявлены первопринципы, единящие естествознание, метафизику и христианское вероучение. Некоторое время назад под влиянием позитивистской идеологии произошло размежевание этих областей, однако выдающиеся философы всегда понимали искусственность такого разделения. Как говорил выдающийся мыслитель XX века Г. Йонас: «...существуют плоскости соприкосновения между философией и религией» [Йонас, 2004], что означает возможности взаимного сближения религиозной и философской картинами мира, по крайней мере в плане их изучения.

В этом контексте важными и значимыми являются духовные достижения русской религиозной философии, которая, с одной стороны, вела бескомпромиссную борьбу с упрощенной моделью человека и мира, которая имела в позитивизме и материализме, и, с другой, утверждала сущностное единство научного и религиозного опыта, основанного на христианских вероучительных принципах.

Во многом духовный опыт русской религиозной философии востребован именно сегодня, когда вновь набирает тенденция к метафизически упрощенной модели мира, в которой человек так же, как и в классическом материализме лишен какой бы то ни было духовной сущности. Современные исследователи выделяют эти особенности и типологические характеристики русской философии. Так, Н. Н. Ростова пишет, что русская философия в отличии от западной находится в лоне метафизической традиции: «В русской философии доминируют понятия «Бог», «трансцендентное», «культ», «мистерия», а понятие «символ» обретает онтологический статус.

Поэтому можно говорить о том, что русская философия выстраивает дискурс мистериального, предполагающий трансцендентное измерение человека и мира» [Ростова, 2017]. В. В. Варава отмечает, что «Русский философский Логос выбрал предметом своих исканий и вопрошаний религиозное, духовное, нравственное и довел их до предельных апофатических вершин» [Варава, 2013].

В этом контексте становится понятным и отношение к науке, принятое в русской философии. Здесь нет отрицания науки, если она основывается на духовном и трансцендентном опыте христианства. Как отмечает А. В. Солдатов: «...русские религиозные философы и богословы очень хорошо видели основную слабость современной им космологии: отсутствие в ее структуре человеческого фактора и различным образом попыталась восполнить этот недостаток» [Солдатов, 2007]. Акцент на человеке, духовно-нравственном смысле его жизни есть важнейшая характеристика русской философии. И если научная картина мира игнорирует человеческое измерение, то это находит неприятие и критику у русских философов.

Здесь можно привести в качестве яркого примера наглядную оценку, данную А. Ф. Лосевым в его книге «Диалектика мифа», научной, основанной на позитивистских (механистических) представлениях, картине мира. Он так характеризует этот абсолютно бесчеловечный мир: «Мир не имеет границ, т.е. не имеет формы. Для меня это значит, что но – бесформен. Мир – абсолютно однородное пространство. Для меня это значит, что он абсолютно плоскостен, невыразителен, нерельефен. Неимоверной скукой веет от такого мира. Прибавьте к этому абсолютную темноту и нечеловеческий холод межпланетных пространств. Что это как не черная дыра, даже не могила и даже не баня с пауками, потому что и то и другое все-таки интереснее и теплее и все-таки говорит о чем-то человеческом» [Лосев, 1990].

В этих достаточно эмоциональных словах содержится главный упрек механистической картине мира, заключающейся в ее бесчеловечности. Таков, основной подход западноевропейской науки, разъединяющий «субъекта» и «объекта», человека и Бога. Как раз русская религиозная философия всегда пыталась преодолеть этот разрыв, показывая «нераздельно-неслиянное» тождество человека и мира. Этому посвящены размышления Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, Б. Н. Чичерина, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. Зеньковского, С. Л. Франка, П. А. Флоренского, И. А. Ильина, В. В. Розанова, А. Ф. Лосева и других. На основании разработок русской религиозной философии можно выстроить парадигму духовного синтеза науки и религии, основанную на таких фундаментальных концептах как всеединство и нравственная центрированность.

Коснемся некоторых важных идей русской философии относительно науки. В русской философии значим прежде всего нравственный опыт, то есть опыт человеческого присутствия в мире, вне которого любые построения, в том числе и научные, теряют смысл. Синтез с наукой осуществим,

если наука не исходит в своих построениях из обезличенной, механистической картины мира, но учитывает духовные истины христианства. Западноевропейская наука, построенная исключительно на рационалистических началах, выработала вневличностный подход к миру, в большей мере, проявившейся как раз в науке.

Особого развития эти мысли получили в труде С. Н. Булгакова «Свет невечерний», в которой он обстоятельно рассматривает вопрос о том, как воспринимается наукой религия. Его характеристики раскрывают суть той науки, которая сформировалась вне религиозного контекста, и которая по преимуществу и воспринимается как наука. Он пишет: «Наука изучает религию неверующим глазом, извне. ... Наука при ее основоположном и методическом рационализме строится на принципиальном отрицании чуда. ... Наука принципиально стоит на внерелигиозной и внеконфессиональной позиции» [Булгаков, 1994].

Исходя из этого, Булгаков делает важное методологическое разграничение, которое существенным образом разделяет науку и религию. Это метод неверия, который свойствен науке, ее «холодной, рассудочно-вопрошающей критике» и метод благоговения, который отличает религиозное сознание и познание. При этом, Булгаков с позиций религии не отрицает науку, ее метод неверия (как часто имеет место обратное – научное отрицание религии), но усматривает в ней проявления духовности, своего рода, как он говорит, «научное благочестие». Он об этом пишет следующее: «Наука приносит к алтарю тот дар, который она имеет: она не умеет верить, не умеет молиться, ей чужда любовь сердца, но и она ведает amor Dei intellectualis, и ей присуща добродетель, соответствующая этой любви, – интеллектуальная честность, вместе с неусыпным труженичеством, аскезой труда и научного долга. И свое бремя закона она приносит как дар в царство благодати» [Булгаков, 1994].

Эти два метода, выделенные С. Н. Булгаковым, являются методологической проекцией духовно-онтологических понятий, выразившихся в традициях европейской христианской культуры в форме бинарной оппозиции: знание/вера. В традициях русской религиозной философии не свойственно радикальное противопоставление этих духовных феноменов, но заметно стремление к их синтезу. Начиная со славянофилов, принято говорить о «верующем разуме», то есть о разуме, преображенном светом христианской истины, в отличие от естественного, не преображенного разума, который является оппозицией веры в традициях западноевропейской рациональной философии.

Это стало предметом изучения В. В. Зеньковского, результаты которого изложены в его фундаментальных трудах «Основы христианской философии» и «Апологетика». Эти выводы имеют огромное значение для понимания того, как в русской религиозной философии осуществляется духовный синтез философии и религии (христианского откровения и умозрения, прежде всего). Так, в «Апологетике» он пишет: «Христианская

вера вовсе не устраняет изучение природы, она признает возможность действия Бога в мире. ... Наука может и должна искать «естественных» причин того, что кажется загадочным или необъяснимым, но она не может отвергать возможности действия Бога в мире» [Зеньковский, 1997].

В. В. Зеньковский стремится не к противопоставлению знания и веры, но к их взаимному согласию. Христианство, считает философ, признает права разума, понимая его ограниченность. Причем не только в познании духовного «невидимого» бытия, но и видимого мира. Синергия или сотрудничество веры и разума – то, что присуще христианскому вероучению изначально, но, что в контексте западноевропейской культуры было нарушено. Вера и разум разошлись, образовав феномен секуляризма. Именно в контексте русской философии, которая в XIX–XX веках в полной мере стала равноправным европейским «философским партнером», произошло возвращение к чистоте духовных первопринципов христианства. Это отразилось и на вопросе о соотношении науки и религии.

Построения С. Н. Булгакова и В. В. Зеньковского являются своего рода вершиной систематической религиозно-философской мысли, своеобразной систематической апологией христианского вероучения, в которой вопрос о соотношении веры и разума, науки и религии получил высочайшую степень отрефлектированности и завершенности. При этом в религиозно-философской мысли других авторов, прежде всего у Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, Б. Н. Чичерина, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, П. А. Флоренского также можно встретить огромные мыслительные пласты, потрясающие интуиции, умозрения и откровения относительно вопроса о соотношении науки и религии.

Так, в философии общего дела Н. Ф. Федорова дана высокая оценка разуму как Божественному инструменту, призванному для материально-духовного преображения мира и конечной победы над смертью. Таков духовный смысл науки в отличие от того, который соответствует исключительно рациональному познанию, названному С. Н. Булгаковым, как мы отмечали выше, «методом неверия». Главная идея, осуществляющая духовный синтез науки и религии у Федорова – это регуляция природы. «В себе человек – в своей нервной системе – носит образец регуляции вселенной. Естественная задача разумных существ – соединение для повсеместной регуляции слепой силы (а не эксплуатация и утилизация). Что такое регуляция? – Посредствующая, примирительная, так сказать, роль в слепой природе» [Федоров, 1997]. Исходя из идеи регуляции как основополагающем принципе, Федоров мыслит науку следующим образом: «Если же наука станет всеобщим достоянием, если она своею задачею признает регуляцию всей природы, тогда непознаваемое не превратится лишь в непознанное? и в непознанном не признаем ли Благое Существо, а себя его орудием?» [Федоров, 1997].

Эти идеи значительно повлияли на активно-эволюционную ветвь христианства, представленную, прежде всего, В. С. Соловьевым, Н. А. Бердяевым и С. Н. Булгаковым, чьи

воззрения представляют собой ядро русской религиозной философии. Также необходимо сказать, что идеи Н. Ф. Федорова имели большое значение при формировании естественно-научной ветви русского космизма, представленного именами К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, Н. А. Умова, В. Н. Муравьева и др.

Философия всеединства В. С. Соловьева представляет собой попытку универсального синтеза всех духовных областей культуры. Система «цельного знания», к которой стремился Соловьев, должна была объединить науку, религию и философию, образовав нечто целое. В работе «Критика отвлеченных начал» он выводит понятие всеобщей, или всеединой науки, которая отличается от частных наук тем, что основывается на «безусловно всеобщих и необходимых» истинах. Содержание этой науки выводится «из первых начал, то есть из безусловных принципов разума» [Соловьев, 1998a].

В более ранней работе «Философские начала цельного знания» В. С. Соловьев таким образом определяет цельное знание (или, как он его называет, «свободная теософия»): «Свободная теософия есть органический синтез теологии, философии и опытной науки, и только такой синтез может заключать в себе цельную истину знания: вне его и наука, и философия, и теология суть только отдельные части или стороны, оторванные органы знания и не могут быть, таким образом, ни в какой степени адекватны цельной истине» [Соловьев, 1998b].

В этих важнейших теоретических постулатах В. С. Соловьева дана целостная программа духовного синтеза науки, религии и философии, которая отличает именно отечественный философский дискурс, который проявился и в идеях Н. А. Бердяева о творческом характере человеческой деятельности, способной преобразовать наличный «объективированный» мир природы; и в высшем религиозно-философском синтезе в завершающем этапе человеческой истории у Б. Н. Чичерина; и в стремлении П. А. Флоренского к цельному мировоззрению, синтезирующего науку, богословие, философию и искусство; и в понимании истинного смысла деятельности ученого как созерцателя и исследователя «живой тайны мироздания» у И. А. Ильина и т. д.

Заключение

Самый общий вывод, имеющий непосредственное практическое значение, представляется возможным сформулировать следующим образом. В традициях отечественной философской культуры налицо стремление исходить в своих построениях из основ христианского вероучения не только в вопросах духовного бытия, но и в таких земных вещах как наука, экономика, хозяйство. Это способствует сближению веры и знания, философии, науки и религии в едином контексте духовного преображения человека, его разума и культуры. Именно это является существенным отличием от парадигмы западноевропейского рационализма, в котором области человеческого познания и христианского откровения разъединены.

В этом плане представляется важным именно в сегодняшней – возникает вопрос о духовном синтезе культуры, опираться на ней аксиологически неопределенной ситуации, когда вновь построения русской религиозной философии.

Литература

1. Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.
2. Варавва В. В. Неведомый Бог философии. М.: Летний сад, 2013. 256 с.
3. Евреева О. А. От религии к науке // Вестник научных конференций. 2017. № 4-1 (20). С. 52-54.
4. Зеньковский В. В. Основы христианской философии. М.: Канон+, 1997. 560 с.
5. Йонас Г. Наука как персональный опыт // Йонас Г. / Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 15-35.
6. Карпов К. В. Эпистемология религиозной веры как дисциплинообразующая часть философии религии // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53. № 3. С. 8-18.
7. Кожев А. Атеизм и другие работы. М.: Праксис, 2006. 512 с.
8. Кроче Б. Антология сочинений по философии. СПб.: Пневма, 2011. 477 с.
9. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. / Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 393-600.
10. Никифоров А. Л. Природа философии: Основы философии. М.: Идея-Пресс, 2001. 168 с.
11. Полная программа Рождественских чтений [Электронный ресурс]. URL: <https://mroc.pravobraz.ru/kalendar-sobytij-chtenij/> (дата обращения 29.01.18 г.)
12. Ростова Н. Н. Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека. М.: Проспект, 2017. 432 с.
13. Солдатов А. В. Наука и религия в русской религиозной философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8. № 2. С. 142-146.
14. Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В. С. / Сочинения в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1998а. С. 581-745.
15. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Соловьев В. С. / Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1998б. С. 139-289.
16. Тростников В. Н. Мысли перед рассветом. М.: Штрихтон, 1997. 359 с.
17. Федоров Н. Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. III. М. Традиция, 1997. 744 с.
18. Философско-религиозные истоки науки. М.: Мартис, 1997. 319 с.

Grigori Kulikov¹

UNWORLDLY SYNTHESIS OF SCIENCE AND RELIGION: THE EXPERIENCE OF RUSSIAN PHILOSOPHY

Abstract. The relevance of the study is conditioned by the need to consider the issue of the correlation of scientific and religious experience in the context of European culture. In this regard, this article is aimed at revealing the philosophical constructions of Russian thinkers, in whose work the spiritual synthesis of science, religion and philosophy is represented. The article presents the systematization of the views of such Russian religious philosophers as S. N. Bulgakov and V. V. Zenkovsky; their features are revealed; the difference between religious thought and secular are shown; the idea that the artificial division of the fields of science, religion and philosophy is a thing of the past is grounded; a technique for investigating the interaction of science and religion in the context of contemporary spiritual culture is proposed. The results of the article are of practical value for further research in the field of religious and philosophical foundations of science.

Key words: science, faith, reason, Christianity, Russian religious philosophy.

¹ **Kulikov Grigory Yakovlevich** – graduate student of the Moscow Orthodox Institute of St. John the Theologian. 11a Chernyshevsky lane, Moscow, 127030, Russia. Email: grigoriykulikov54@gmail.com.

References

1. Bulgakov S. N. (1994). Svet nevecherniy: Sozertsaniya i umozreniya [The Light of the Unknown: Contemplation and speculation]. Moscow: Respublika, 1994. 415 p. (In Russian).
2. Varava V. V. (2013). Nevedomyy Bog filosofii [Unknown God of Philosophy]. Moscow: Letniy sad, 2013. 256 p.

- (In Russian).
3. Yevreyeva O. A. (2017). Ot religii k nauke [From religion to science] // *Vestnik nauchnykh konferentsiy*. 2017. No 4-1 (20). Pp. 52-54. (In Russian).
 4. Zen'kovskiy V. V. (1997). *Osnovy khristianskoy filosofii* [Fundamentals of Christian Philosophy]. Moscow: Kanon+, 1997. 560 p. (In Russian).
 5. Yonas G. (2004). Nauka kak personal'nyy opyt [Science as a personal experience] // Yonas G. / Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoy tsivilizatsii. Moscow: Ayris-press, 2004. Pp. 15-35. (In Russian).
 6. Karpov K. V. (2017). Epistemologiya religioznoy very kak distsiplinoobrazuyushchaya chast' filosofii religii [Epistemology of religious faith as a discipline-forming part of the philosophy of religion] // *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2017. Vol. 53. No 3. Pp. 8-18. (In Russian).
 7. Kozhev A. (2006). *Ateizm i drugie raboty* [Atheism and other works]. Moscow: Praksis, 2006. 512 p. (In Russian).
 8. Kroche B. (2011). *Antologiya sochineniy po filosofii* [Anthology of works on philosophy]. St. Petersburg: Pnevma, 2011. 477 p. (In Russian).
 9. Losev A. F. (1990). *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth] // Losev A. F. / Iz rannikh proizvedeniy. Moscow: Pravda, 1990. Pp. 393-600. (In Russian).
 10. Nikiforov A. L. (2001) *Priroda filosofii: Osnovy filosofii* [Nature of Philosophy: Fundamentals of Philosophy]. Moscow: Ideya-Press, 2001. 168 p. (In Russian).
 11. Polnaya programma Rozhdestvenskikh chteniy [Full program of Christmas readings] [Electronic resource]. URL: <https://mroc.pravobraz.ru/kalendar-sobytij-chtenij/> (Accessed on January 29, 2018). (In Russian).
 12. Rostova N. N. (2017). *Izgnaniye Boga. Problema sakral'nogo v filosofii cheloveka* [The Expulsion of God. The problem of the sacred in the philosophy of man]. Moscow: Prospekt, 2017. 432 p. (In Russian).
 13. Soldatov A. V. (2007). Nauka i religiya v russkoy religioznoy filosofii [Science and religion in Russian religious philosophy] // *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 2007. Vol. 8. No 2. Pp. 142-146. (In Russian).
 14. Solov'yev V. S. (1998a). *Kritika otvlechennykh nachal* [Criticism of abstract principles] // Soloviev V. S. / Compositions in 2 vol. Vol. I. Moscow: Mysl', 1998. Pp. 581-745. (In Russian).
 15. Solov'yev V. S. (1998b). *Filosofskiye nachala tsel'nogo znaniya* // Soloviev V. S. / Compositions in 2 vol. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1998. Pp. 139-289. (In Russian).
 16. Trostnikov V. N. (1997). *Mysli pered rassvetom* [Thoughts before dawn]. Moscow: Shtrikhton, 1997. 359 p. (In Russian).
 17. Fedorov N. F. (1997). *Collected works: In 4 volumes. Vol. III*. Moscow: Traditsiya, 1997. 744 p. (In Russian).
 18. *Filosofsko-religioznyye istoki nauki* (1997). [The philosophical and religious origins of science]. Moscow: Martis, 1997. 319 p. (In Russian).